

- ¹³ The International Encyclopedia of Sociology. N. Y., 1984. P. 114.
¹⁴ Bell D. Ethnicity and Social Change//Ethnicity. Theory and Experience. Cambridge (Mass.), 1975. P. 141—142.
¹⁵ Bell D. Op. cit. P. 171.
¹⁶ Ibidem. P. 169.
¹⁷ Ibidem. P. 172.
¹⁸ Ibidem. P. 173—174.
¹⁹ Ibidem. P. 174.
²⁰ Чурбанов В. Б. Какого цвета культурная автономия?//Сов. культура. 20.1.90. С. 5.

Ethnocentrism and «recovery of ethnicity»: theories and reality

In the USSR «freedom let out the ancient ethnic passions» — this George Baker's dictum is a key to the understanding of many crucial processes in our country. Ethnocentrism and ethnicity were the driving force behind the separatist onslaught, which destroyed the historical unity of our country. This paper deals with two American conceptions — of ethnocentrism and ethnicity. A brief survey of discussions around them is given from Sumner to «Ethnocentrism» by R. LeVine and D. Campbell (N. Y., 1977); from «Ethnicity» by Glazer and Moynihan to recent publications. The study of ethnocentrism and ethnicity is considered to be of great importance for analysis of many processes everywhere in the world.

S. N. Artanovsky

© 1992 г., ЭО, № 3

З. М а х

ПОЛЯКИ И ИХ СОСЕДИ

Анатомия официозного национализма
 через призму школьного учебника

Так сложилось, что у Польши всегда были сильные соседи, и этим фактом в основном определяется вся ее история. Поэтому значительная часть реконструкций и интерпретаций событий прошлого базируется в Польше на вопросах отношений поляков с «другими» — главным образом с немцами и русскими, а также с австрийцами, турками, шведами. Большую часть своей истории Польша была полиэтническим государством, а самосознание поляков формировалось на основе противопоставления себя украинцам, литовцам, евреям и другим этническим, религиозным и региональным меньшинствам. Независимое польское государство межвоенного периода также было основано на этническом плюрализме, и отношения поляков (в 1931 г. они составляли 68,9% всего населения) с другими народами в польском обществе были одной из первоочередных проблем центрального правительства Польши. Особое место в этом смысле занимали восточные области страны, где помимо поляков проживали украинцы, белорусы, литовцы¹.

Националистическая фракция в польской политике выступала за идею национального единства и «польскость». Р. Дмовскому (1864—1939), отцу современного польского национализма, нация представлялась явлением природным, некоей метафизической данностью, которая по определению не может состоять из различных этнических элементов. Дмовский ратовал поэтому за единство и однородность польской нации и за ее полный контроль надо всей польской территорией². Этническое и культурное разнообразие внутри любой общности этого рода, полагал он, всегда будет потенциальным источником противоречий

и несправедливости³. Население Польши, по мнению Дмовского, в идеале не должно было состоять из многочисленных этнических групп.

Юзеф Пилсудский (1867—1935), социалист, ставший авторитарным главой польского государства, мечтал о том, чтобы Польша стала федерацией мирно сосуществующих наций и этнических групп, объединившихся вокруг польского этноса. Вершиной иерархической системы ценностей для Пилсудского были политическая независимость и государственный суверенитет. Этот государственный деятель был довольно терпим в вопросах религии и, в отличие от Дмовского, не отождествлял «польскость» с католицизмом. Поэтому он был склонен к признанию этнических меньшинств в качестве полноправных граждан Польского государства.

По мнению Дмовского, главной угрозой Польше всегда была Германия. Экономические и культурные достижения Германии производили на него глубокое впечатление, но он опасался, что Польша может стать жертвой ее военного превосходства. Пилсудскому же источником главной угрозы представлялась Россия, а Германия казалась меньшим злом. Польше вместе с другими странами Центральной и Восточной Европы, полагал Пилсудский, следовало создать единый антирусский фронт⁴.

Вторая мировая война и ее результаты парадоксальным образом подтвердили справедливость суждений обоих политиков. Германия действительно продемонстрировала свое военное превосходство над Польшей, заключив союз с русскими, которые захватили ее восточные земли. После второй мировой войны государства Центральной и Восточной Европы оказались низведенными до положения сателлитов их русского соседа.

Утраченные Польшей восточные области, знаменитые *креши*, издавна были темой патриотической мифологии об исторической борьбе с восточными варварами на рубежах западной цивилизации. Миллионам поляков пришлось покинуть свои дома на востоке и переселяться в центральную Польшу или на новые западные территории, ранее принадлежавшие Германии и отошедшие к Польше в качестве компенсации за ее восточные области. На протяжении последующих 45 лет эти территориальные изменения и соответствующее перемещение населения были источником бесконечных споров, обсуждений и пропагандистских акций как со стороны правительства, так и оппозиционных групп. Последствием войны и изменения границ стала искусственно созданная этническая однородность польского общества. С территории Польши исчезли почти все этнические меньшинства: украинцы, белорусы и литовцы остались по ту сторону новой восточной границы, немцы были изгнаны, евреи почти полностью уничтожены нацистами. Более 90% населения Польши сегодня составляют поляки-католики. Относительная изолированность страны на протяжении последних десятилетий затрудняла знакомство поляков с другими народами и культурами. Экономическая слабость Польши, а также юридические ограничения не поощряли стремления иностранцев найти местожительство и работу в Польше. К тому же государства советского блока были в значительной мере изолированы друг от друга, что затрудняло полякам выезд в соседние страны, особенно в Советский Союз. Великая ирония новейшей истории Польши состоит в том, что националистическая цель создания этнически чистой Польши оказалась осуществленной не идеологом правых Романом Дмовским или его последователями, но теми коммунистами, которые, разумеется, считали себя левыми.

Новое геополитическое положение Польши вызвало изменения в отношении поляков к своим соседям. После войны Советский Союз воспринимался большинством поляков как источник национального угнетения, хотя те, кто помнил нацистскую оккупацию, сохраняли свои отрицательные чувства и по отношению к немцам. В представлении молодежи конфликты с Германией давно уже стали достоянием истории, а подчинение Советскому Союзу было реальностью, проявлявшейся в различных аспектах повседневной жизни. Ограниченность контактов поляков с их соседями способствовала возникновению стереотипов и предубеж-

дений, тогда как довоенные представления о русских, украинцах, литовцах и евреях не имели почвы для их сопоставления с реалиями обыденного взаимодействия. Польское национальное самосознание, которое, как и самосознание любой социальной общности, формировалось в процессе контактов с «другими», оказалось застывшим на уровне, предшествовавшем началу второй мировой войны. Централизованный характер всех аспектов общественной жизни блокировал отношения поляков с теми меньшинствами, которые отчасти еще оставались в Польше. Отсутствовало свободное взаимодействие, способное обеспечить естественный динамизм их видения друг друга. Вместо этого сохранявшиеся стереотипы были причиной того, что на меньшинства возлагалась вина за все жизненные невзгоды (как это было, например, в 1968 г., когда государственная пропаганда предъявила обвинения евреям, якобы ответственным за экономическое и политическое банкротство режима).

Довоенные представления поляков о самих себе и о своих соседях передавались по каналам неофициальной коммуникации в семье, через литературу и искусство. После 1945 г. тоталитарное социалистическое государство целенаправленно прилагало постоянные усилия к тому, чтобы изменить взгляды поляков на национальные проблемы в желательном для него направлении. Одним из тех идеологических средств, с помощью которых социалистический режим в Польше стремился оправдать свои непопулярные решения, стал национализм.

Польское национальное самосознание восходит в своей основе к традициям первой Речи Посполитой, которая возникла в XVI в. и закончила свое существование с разделом Польши в 1795 г. В своей современной форме оно было воссоздано в XIX в., когда Польша, уже утратившая независимость, была обречена, казалось бы, на бесконечную борьбу против иностранного политического господства. В этих условиях идея государственного суверенитета стала центральным понятием национального самосознания поляков. Мифологизированная история, искусство и литература прославляли прошлое польской нации и государства, рисуя образы и ценности независимого национального и идеального гражданина. Важную роль в формировании национального самосознания поляков играла также католическая церковь: полякам приходилось бороться за свою свободу с противниками, принадлежавшими к иной религии (с мусульманами — турками и монголами, православными — русскими, протестантами — шведами и пруссаками). Более того, две державы, оккупировавшие Польшу в XIX в. (Россия и Пруссия), представляли две разные религии. Таким образом, в связи с проблемой политического суверенитета и независимой государственности польское национальное самосознание обретало форму национализма, противопоставляя поляков их извечным врагам. 20 лет политической независимости способствовали укреплению польского национализма, поскольку вначале поляки благодаря победе над большевиками в 1920 г. вновь добились независимости, а затем утратили ее в результате германского и советского вторжения⁵.

Установленный в Польше в 1945 г. режим на первых порах пытался укрепить свое положение с помощью марксистско-ленинской идеологии, выдвигая идею равенства народов и апеллируя к идеалам коммунистического будущего. Однако уже в середине 50-х годов стало ясно, что поляки, по-прежнему привязанные к своим традиционным ценностям, испытывали разочарование по поводу мнимых достижений нового режима. Тогда государство стало подчеркивать свой национальный, польский характер. Все усилия пропаганды были направлены теперь на то, чтобы изобразить правящую верхушку истинными поляками, представляющими исконно польские интересы. Ключевой проблемой были отношения с Советским Союзом: если бы удалось продемонстрировать, что диктатура коммунистической партии и альянс с СССР совместимы с идеями польского национализма, то новой властной элите была бы гарантирована безопасность. С этой целью стали конструироваться символические образы и ассоциации, призванные по-новому интерпретировать события польской истории, дать новую версию польского национализма и отношений поляков с их соседями. Одним из основных

каналов воздействия на национальное самосознание поляков было в данных условиях образование. Поэтому ценным источником изучения этого процесса являются, в частности, учебники, использовавшиеся в средней школе для преподавания истории.

В противоположность тому, чего можно было ожидать, приступая к изучению этого исторического источника, официальный образ отношений между поляками и их соседями оказался в учебном изложении школьных пособий на удивление единообразным на протяжении всего интересующего нас периода. Я не обнаружил сколько-нибудь значительных качественных изменений в нем ни после 1956 г., когда в Польше закончилась эра сталинизма, ни в 1968 г., ознаменовавшем превращение антисемитизма в компонент официальной линии коммунистической партии. Разумеется, можно заметить некоторые нюансы в трактовке отдельных моментов (например, до и после подписания в 1970 г. договора с Германией), однако в целом картина остается неизменной.

Вся история Польши оказалась переписанной заново. Центральной темой стала непрекращающаяся борьба поляков против германского экспансионизма. В том виде, в каком история интерпретируется для детей, немцы присутствуют в ней повсюду. Они представляют угрозу либо реальную, либо потенциальную; конфронтация с Германией оказывается неизбывным уделом поляков. Логика истории вынуждает Польшу бороться с этим противником с самого момента создания польского государства в 966 г. Немецкая угроза исчезает лишь в 1945 г., когда победоносная Советская армия окончательно разгромила германский милитаризм. Тут Польше наконец повезло: она обрела мирного западного соседа в лице первого социалистического государства на немецкой земле. «Хорошие» немцы, населяющие ГДР, забыли об экспансионизме и о ненависти к Польше, они с радостью восприняли факт присоединения к Польше бывших восточных немецких территорий и в знак благодарности за это отгородили собой Польшу от «плохих» немцев, живущих в ФРГ⁶.

В данной схеме интерпретации польско-немецких отношений основной упор делался на вопросе о западной границе Польши. Очевидной сверхзадачей авторов школьного учебника было доказать справедливость того изменения границ, которое имело место в 1945 г. И это вполне объяснимо. Концепция границ составляет суть понятия Родины. Границы отделяют «нас» от «них», нашу нацию от «других». В то же самое время границы суть нечто, нуждающееся в защите и охране от внешней агрессии. Отсюда вновь и вновь задаваемый школьнику вопрос: «Просто ли было в то время защищать польские границы?»⁷. Юных поляков нужно было приучить к мысли, что исторически оправданные пределы Польши полностью соответствуют границам, установленным для нее в 1945 г. Советским Союзом. Это означало бы, что несмотря на отдельные изменения польской государственной территории, всегда существовала и существует одна и та же Польская граница, которой определяются подлинные Польские земли. Каждый раз в своей истории Польша возвращала себе эти земли с неизменно положительными результатами в сфере политической, экономической и культурной жизни страны. Напротив, когда Польша меняла свои границы и переходила на другие территории, последствия неизменно были катастрофическими. Эти истинные польские земли всегда были населены только этническими поляками. Иностранные влияния во все времена были негативными. Поляки-труженики изначально были социально прогрессивными, но польская аристократия толкала страну на восток, в непольские земли, населенные украинцами и литовцами. Там создавались крупные латифундии, хозяева которых, польская знать, угнетали и жестоко эксплуатировали крестьян. Аристократия не была по-настоящему польской, она находилась под западным влиянием и восприняла иностранный образ жизни. Выборные короли Польши, иностранцы, как, например, Анри де Валуа, Август II и Август III, приносили с собой беды и несчастья для простого народа.

Польское государство возникло в X в. на территории к востоку от Одера.

Первые польские правители династии Пястов уделяли особое внимание исконным польским землям в Померании, Силезии и других западных областях современной Польши. Польское государство включало, таким образом, всю населенную поляками страну в ее естественных пределах⁸. На востоке граница Польши проходила по р. Буг, т. е. она совпадала с ее современной восточной границей. Первые польские короли успешно боролись с немцами, стремившимися к завоеванию исконных польских земель. Лишь в XII в. ослабление польского государства привело к утрате Померании и других северо-западных областей, что на многие столетия обрекло поляков на тяжкие испытания и несчастья. Многовековая борьба с германскими тевтонскими рыцарями в конечном итоге увенчалась победой поляков, которые вновь обрели часть своих первоначальных территорий. Последствия же польской экспансии на восток были явно негативными. Союз с Литвой позволил польской знати получить земельные владения на литовских и белорусских землях. Хотя территория, номинально подчиненная Польше, оказалась в 3 раза больше области расселения этнических поляков, исконно польские земли в Силезии и Померании остались захваченными Германией. У Польши не было сил для их возвращения именно потому, что алчная польская аристократия была заинтересована лишь в сохранении своего политического и экономического положения на Востоке. Более того, когда в XVII в. у Польши был шанс возвратить себе свои западные области, король Сигизмунд III Ваза толкнул страну на несправедливую войну против России, хотя его намерения не имели ничего общего с польскими государственными интересами⁹. После окончания первой мировой войны перед Польшей вновь встал вопрос о границах. И снова решение, принятое реакционными правителями страны, оказалось ошибочным.

Здесь следует заметить, что, интерпретируя события 20-х годов с точки зрения излагаемой нами официальной концепции, авторы исследуемых текстов оказались в трудном положении: им нужно было представить в качестве прогрессивных взгляды правого националиста Дмовского, а суждения социалиста Пилсудского следовало признать реакционными и неправильными. Но эта задача была успешно решена. Пилсудский предстал перед потомками предателем социалистических идей и ставленником международного капитала, стремившимся к созданию польской империи на востоке (в этом его поддержали реакционные классы общества и западные империалисты)¹⁰, а взгляды Дмовского практически не упоминались. Польские государственные границы, установленные после первой мировой войны, представлялись источником трений и конфликтов с соседями Польши, прежде всего с Советским Союзом. Школьникам внушалось, что именно этим объясняется поражение Польши во второй мировой войне, поскольку вместо дружбы и союзнической взаимопомощи отношения Польши и СССР оказались враждебными благодаря безответственной политике польского правительства.

Таким образом, официальная пропаганда польского социалистического государства имела своей целью создание такого образа польской национальной истории, национальных интересов и национального самосознания, который был бы совместим с марксистско-ленинским взглядом на историю и социальную структуру общества. Согласно этой версии, прогрессивные слои и элементы всегда поддерживали в Польше ту политику, которая была бы на пользу нации, тогда как реакционные силы, из-за своего эгоизма занимавшие проимпериалистические позиции, стремились к угнетению и эксплуатации крестьянства, толкая страну на путь экспансионизма. Немцы всегда были враждебной силой, русские же лишь противодействовали польской экспансии. Даже если Россия и воевала с Польшей или занимала часть польской территории, то это происходило исключительно потому, что в прошлом их провоцировали на это своей антирусской политикой реакционные правители Польши (как это имело место, например, в XVII в., когда вмешательство Сигизмунда II во внутренние дела России привело к затяжным конфликтам между двумя странами¹¹). Логика этой аргументации

сводилась к тому, что Польша должна придерживаться границ своей этнической территории и крепить дружественные отношения с Россией. Украинцы и белорусы, представляющие собой самостоятельные нации, в школьном изложении выступают лишь в их взаимосвязи с русскими. Россия в свою очередь несет историческую ответственность по защите их от иностранного, в частности польского, угнетения. Наглядным примером этого было в XVII в. восстание украинских крестьян, возглавлявшихся казаками, против поляков. В конечном итоге они обратились за защитой к России, что представляется автору учебника вполне закономерным и естественным, хотя фактически последствия этого были для украинцев весьма плачевными. Та же логика повторяется в описании событий, имевших место после первой мировой войны и особенно в 1939 г., когда Красная армия вторглась на государственную территорию Польши под предлогом защиты интересов украинцев и белорусов¹².

Отношения между поляками и украинцами вообще были важной составной частью концепции польского национализма. Украинцы изображались в учебниках вначале как «этническая группа», а позднее как «нация», обладающая правом на политическую независимость, но любопытнейшим «естественным» образом связанная с русскими. В политических интересах Польши было держаться подальше от Украины и ее населения. В конфликтах между поляками и украинцами вина, как правило, возлагалась на поляков, поскольку именно польская аристократия угнетала украинское крестьянство¹³. Антипольские действия украинских националистов, предпринятые ими в конце 1920 — начале 30-х годов, связывались в учебниках с антипольской политикой немцев. Об украинских националистах говорилось, что они проходили подготовку и вооружались под эгидой германских секретных служб¹⁴. Только в одном случае справедливость оказалась на стороне поляков, когда после окончания второй мировой войны польская армия разгромила украинских националистов, а затем все украинское население было переселено из родных мест на востоке Польши во вновь приобретенные западные области. Но и этот конфликт интерпретировался не как борьба между поляками и украинцами за спорные территории и не как национальное восстание украинцев, а как подрывная деятельность украинских фашистов против польской армии, отстаивавшей коммунистические идеалы и выполнявшей в силу этого прогрессивную историческую миссию¹⁵.

Другой пример связан с небольшой местностью Заолзье на юге Польши, на которую претендовали как поляки, так и чехи. Аннексия этой территории чешской армией в 1918 г. трактовалась как акт политического произвола со стороны чехов, воспользовавшихся тем, что поляки были в это время отвлечены событиями на Украине. Таким образом, чехи в данном изложении представляли как враги Польши, а политические лидеры Польши подвергались критике за их пренебрежение реальными интересами страны. Когда же в 1938 г. Польша вернула себе Заолзье, то это опять-таки была агрессия, но уже со стороны Польши, которая приняла участие в разделе Чехословакии¹⁶.

Таким образом, в официальной исторической концепции ее национальные аспекты непосредственно увязывались с противопоставлением прогрессивных и реакционных социальных сил, а польское национальное самосознание конструировалось через интерпретацию взаимоотношений Польши с ее соседями и сложных хитросплетений между национальными интересами, социальной справедливостью и историческим прогрессом. Все это делалось ради создания идеального образа Польского государства в пределах границ, установленных после второй мировой войны, и в контактах с теми его соседями, которые всегда являлись его естественными союзниками. Логика истории тем самым закономерно подводила к созданию Польской Народной Республики, вдохновляемой коммунистической идеологией. Национальная гордость поляков стимулировалась славными победами над немцами (скажем, над тевтонскими рыцарями) и шведами, но, разумеется, не над русскими, войны с которыми всегда оказывались трагическими ошибками, ведшими к еще большим бедам.

Поскольку польское национальное самосознание строилось на противопоставлении поляков другим этническим общностям, период разделов Польши в XVIII в., например, представлялся в учебниках как годы непрерывной борьбы с иностранными агрессорами — немцами и царской Россией. Однако если немцы были изначально настроены антипольски, а их экспансионизм всегда был составной частью их национального характера, то русские рисовались иначе: только царский режим представлял собой угрозу для Польши, и с его устранением Россия немедленно превратилась в дружественную полякам нацию.

Идеальная Польша должна быть к тому же этнически однородной. Существование в Польше этнических меньшинств оказывалось следствием неправильной, агрессивной политики польской аристократии, и потому все жители послевоенной Польши выступали представителями одной и той же национальной культуры, сочетающей в себе прогрессивные элементы национального наследия с идеологией социализма. Этническим меньшинствам нельзя доверять, особенно после 1968 г., когда польские евреи были уличены в подрывных антипольских интригах. В результате со страниц польской истории исчезли какие-либо упоминания о евреях (за исключением констатации их злой роли в распространении алкоголизма среди польского крестьянства, попавшего в сети деревенских шинкарей). Евреи, таким образом, были сообщниками польской знати в деле эксплуатации трудящихся. Так создавался образ этнически гомогенного общества, счастливо обладавшего уникальной системой своих прогрессивных национальных ценностей. В результате каждый раз, когда в учебниках упоминается Польша, имеется в виду польская территория после второй мировой войны. Это значит, что в Польше, населенной одной великой польской нацией, каждый всегда остается поляком, в то время как этнические меньшинства в разные периоды истории Польши жили на землях, которые не были по-настоящему польскими, даже если они и находились под властью Польши.

Таким образом, суть исторической концепции, отраженной в школьных учебниках, — стремление заставить юных поляков воспринимать свою историю в чисто националистическом духе — как постоянную борьбу за политический суверенитет против иностранных захватчиков. При изложении последнего периода этой истории режим обвинял оппозицию в том, что ею манипулируют иностранные антипольские силы — сионизм, ЦРУ, западногерманские шпионы. Пропагандировалась идея, что новая «социалистическая нация» развивает свои патриотические традиции в дружбе с другими социалистическими нациями. Тем самым было найдено логическое решение вопроса об исторических отношениях Польши с Россией и Украиной. У Польши вновь ее «естественные» границы, в ней нет этнических меньшинств, национальные чаяния поляков и их социалистических соседей гармоническим образом совместимы между собой. При таком подходе к проблеме нет места для противоречий между прогрессивным национализмом и пролетарским интернационализмом, в равной мере базирующимися на идеологических принципах дружбы передовых социалистических наций.

Примечания

¹ Davies N. *God's Playground. A History of Poland*. V. 2. Oxford, 1981. P. 404.

² Davies N. *Heart of Europe*. Oxford, 1984. P. 138.

³ Ibidem.

⁴ Ibid. P. 146.

⁵ Mach Z. *Symbols, Conflict, and Identity*. Krakow, 1989. P. 132.

⁶ Szczesniak A. L. *Historia. Polska i świat naszego wieku*. Warszawa, 1984. P. 339.

⁷ Szacka B. «Polska-ojczyzna nasza» in *Obecność*. London, 1987. P. 288.

⁸ *Słownik Historii Polski*. /Ed. Lepkowski T. Warszawa, 1969. P. 517—518.

⁹ Ibid. P. 521.

¹⁰ *Historia do klasy II technikow*. Warszawa, 1966. P. 87.

¹¹ Gierowski J., Leszczyński J. *Historia do klasy II liceum ogólnokształcącego*. Warszawa, 1972. P. 215—218.

- ¹² Historia do klasy III technikow. Warszawa, 1979. P.
¹³ Gierowski J., Leszczyński J. Op. cit. P. 222—231.
¹⁴ Szczesniak A. L. Op. cit. P. 99.
¹⁵ Ibid. P. 355—356.
¹⁶ Ibid. P. 157.

The Poles and Their Neighbours (Anatomy of Official Nationalism Revealed Through a School Textbook)

This article describes the construction of nationalism and national identity attempted by the Polish Communist state. The author focuses on relations between Poles and other peoples as he believes that it is in the context of relations with others that identity is created. The basis of the following remarks is the research of textbooks used in Polish secondary schools in teaching of history.

Young Poles were taught to interpret history in a nationalistic way — as struggle for political sovereignty against foreign oppressors. In the interpretation of the most recent history, that is post-WW II times, the regime presented all antistate opposition as manipulated by foreign, anti-Polish forces (Zionizm, CIA, West German spies). The new «socialist nation» cultivates its patriotic traditions in friendship with other socialist nations. Thus the historic relations with Russia and Ukraine found their logical conclusions. Poland has again its «natural» borders, there are no minorities, and national goals of Poles are fully compatible with those of their socialist neighbours, especially the nations of the Soviet Union. In such a way there is no contradiction between progressive nationalism and proletarian internationalism — the ideology of friendship between progressive, socialist nations.

Z. Mach